

КОСОВО: ПРЕЦЕДЕНТ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ?

Сергей Маркедонов Сергей Романенко

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: A role model?

Добрый день, Сергей!

Спасибо за согласие участвовать в нашем разговоре. Для нас обоих не секрет, что во время политических переговоров и научных дискуссий о возможном определении статуса Косово и путях если не разрешения, то смягчения конфликта составной частью позиций их участников является ответ на два вопроса – во-первых, является ли *случай Косово* прецедентом, то есть принципом и моделью, которые можно будет использовать для разрешения других подобных ситуаций, связанных с процессом национально го самоопределения, и, во-вторых, повлияет ли он и в какой мере на их развитие в других европейских (и не только европейских) странах.

Ответ на этот вопрос – во всяком случае, пока – стал водоразделом между официальной позицией Сербии и поддерживающей ее Россией, с одной стороны, и США и большинством стран ЕС – с другой. Выбор ответа является ключевым для определения дальнейшей логики аргументации.

В ситуации с Косово, на мой взгляд, речь в первую очередь идет о процессе национального самоопределения, усложненного проявлениями этнического насилия с обеих сторон, о процессе национального самоопределения двух этнических общностей, издавна совместно проживающих на одной территории и рассматривающих ее как свою родину.

Кроме того, мне представляется, что значение проблемы Косово искусственно преувеличено – каждая из сторон делает это, исходя из собственных политических целей.

*Ваши,
С. Романенко*

From: Sergey Markedonov To: Sergey Romanenko
Subject: Balkanization

Здравствуйтесь, Сергей!

Благодарю Вас за реплику, которая поднимает сразу несколько фундаментальных вопросов, как прикладного, так и методологического характера. Прежде всего, вопрос о *прецедентности* Косово.

На мой взгляд, ответ на этот вопрос не так сложен, как кажется на первый взгляд. Те, кто хочет увидеть в Косово прецедент, увидят его. И будут интерпретировать косовское самоопределение соответствующим образом. И формальная юриспруденция тут совсем ни при чем. Пытаться в этом случае апеллировать к логике или к историческим (равно как и социологическим, этнологическим) фактам бесполезно. Тех, кто использует этот казус для решения политических задач, не убедят выводы аналитиков. Как говорится, у нас разные задачи.

В связи с этим так и хочется сказать: для того, чтобы не существовало *казуса Косо во*, не надо было столь активно и в одностороннем порядке поддерживать и подталкивать самоопределение в бывшем автономном крае Сербии. Надо было думать о том, *как слово наше отзовется*. Отзовется на тех же Балканах или на Южном Кавказе. Теперь уже поздно приводить рациональные (и во многом обоснованные) аргументы про то, что *под одну гребенку* этнополитические конфликты во всем мире не разрешаются.

Тем не менее, я хотел бы отметить именно *потенциальную прецедентность* Косово. Тот факт, что косовское самоопределение фактически является этно-национальным по своей природе (борьбу за него, а также политические дивиденды от его успешной реализации получают не все этнические общины бывшего автономного края в составе Сербии, а косовары-албанцы), заставляет лидеров других сепессионистских (в особенности этно-сепаратистских) движений рассматривать *косовский казус* как некий прецедент.

Это Косово существует в политической идеологии и практике *де-факто* государств Евразии (Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии и Нагорного Карабаха). Их лидеры и главы непризнанных МИДов наперебой убеждают внешних наблюдателей в том, что их республики имеют гораздо больше оснований на получение независимости, чем Косово. Фактически мы можем говорить о *балканизации* постсоветского пространства. В данном случае под *балканизацией* следует понимать инструментальное использование косовского прецедента в борьбе за этнополитическое самоопределение. Следует также отметить, что, несмотря на негативное отношение к этому подходу со стороны США и большинства стран ЕС, лидеры СНГ-2 вряд ли откажутся от *прецедентного Косово*.

К слову сказать, сравнение с Косово и с *косовским прецедентом* используют и лидеры европейских этно-националистических движений (басков, каталонцев, корсиканцев). Не зря в публикации лондонской *Times* обозреватели Джереми Пейдж и Ричард Бистон сделали смелый прогноз о появлении к 2020 г. 11 новых государств на территории сегодняшнего Евросоюза.

С уважением,
Сергей Маркедонов

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Re: Balkanization

Сергей,

Вы поставили вопрос, грозит ли *косовизация* (вероятно, это современный синоним *балканизации*, о которой Вы пишете, ее частный случай) всему остальному миру или же мы просто подгоняем под эту модель все существующие ныне этнополитические конфликты? А дело это отнюдь не безопасное: невозможно с научной и контрпродуктивно с практической точки зрения сводить все многообразие этнополитических конфликтов в Европе, да и мире в целом к ситуации, сложившейся на одной небольшой территории на юго-востоке Европы. Разговоры как о *прецедентности* случая Косово, так и его *уникальности* в значительной мере носят абстрактный характер, с одной стороны, и исходят из крайне упрощенного понимания современных этнополитических процессов, с другой.

Сторонники обоих подходов лишь возводят в абсолют (хотя всяк по-своему) данную конкретную исторически сложившуюся, ограниченную пространственно и хронологи

чески ситуацию. Однако *демонизировать* Балканы и считать исключительно этот регион средоточием всех мировых противоречий и негативным примером для всей Европы было бы неверно.

Вы справедливо заметили, что «в данном случае под *балканизацией* следует понимать инструментальное использование *косовского прецедента* в борьбе за этнополитическое самоопределение». Однако я к этому добавил бы и борьбу геополитических интересов, как написали бы в старину, *великих держав*. Если говорить о внешнем факторе, то однозначная поддержка извне идеи независимости, фактически – моноэтничной государственности, тем более самопровозглашенной, означает поддержку национально радикальных течений с обеих сторон, в то время как требуется поддержка умеренных, склонных к нахождению взаимопонимания группировок – что и было провозглашено при создании нынешней *тройки* – Россия, ЕС, США. Однако и однозначная поддержка извне целостности Сербии также стимулирует национальный радикализм с обеих сторон.

И еще. Почему среди многих этнополитических конфликтов последних 20 лет исключительно Косово рассматривается как *пример для подражания* и чуть ли не *двигатель* или первопричина всех остальных конфликтов? Нельзя ли, например (если в принципе говорить о *прецеденте*), вспомнить *бархатный развод* Чехии и Словакии, недавнее соглашение в Северной Ирландии, мирный распад СССР, наконец?

Возможно, повторюсь, но все этнополитические конфликты имеют одну **природу**, но разные **причины**. Поэтому говорить о фатальном влиянии Косово на другие регионы мне представляется необоснованным. Если мы встанем на ту точку зрения, что про изошедшее в одной стране обязательно должно повториться в других, то далеко зайдём.

Ваш, СР

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Pavlov's dog or sine ira et studio

Еще в первом письме, Сергей, Вы пишете про то, что «значение проблемы Косово искусственно преувеличено – каждая из сторон делает это, исходя из собственных политических целей». Это верно. Но я бы развил Ваш тезис дальше. Значение самопровозглашения Косово (равно как и *унилатерализма* в его признании) также преувеличено.

Тогда давайте рассуждать без эмоций. Что, сегодня (до всяких признаний и самопровозглашений) непонятно, что Косово – это *албанская этническая собственность* и у Сербии нет никаких реальных ресурсов для *сербизации*? Что принципиально нового даст нам *день икс*? Думаю, что российская дипломатия могла бы вести себя более сдержанно и рационально. Позиция могла бы выглядеть таким образом: до тех пор, пока Совбез ООН не признал Косово, нельзя говорить о признании государственной независимости этой территории.

В конце концов, сегодня 24 государства, признающие Тайвань, не признают КНР. И ни чего, живет же Пекин, не нервничает по пустякам. И уж, конечно, признание Косово США или Великобританией не должно превращать нас в *собаку Павлова*, которая на уровне рефлексов должна признать *де-факто* государства СНГ. Мы не заинтересованы, конечно, в том, чтобы Тбилиси использовал силу для восстановления юрисдикции над Абхазией и Южной Осетией. Более того, в случае такого развития событий Россия могла бы

использовать симметричные меры (учитывая тот факт, что любая эскалация конфликтов на юге Кавказа автоматически затрагивает российский Северный Кавказ, Северную Осетию и четыре адыгоязычных субъекта в западной части региона). Но признание независимости *де-факто* государств не только автоматически противопоставляет нас США и ЕС, но и создает потенциально опасные прецеденты. В данном случае я не хочу повторять выводы о возможной сепарации Татарстана или Чечни. Сегодня для этого нет никаких реальных предпосылок. Достаточно почитать хотя бы известный сайт «Кавказ-центр», где недавно прошла информация о ликвидации *Чеченской Республики Ичкерия* и превращении ее в один из *вилаяетов Кавказского эмирата*.

Но ситуация в мире стремительно меняется, и созданный однажды прецедент может сработать в будущем. И не всегда в наших интересах. Тут можно вспомнить и про право сепарации, гарантированное Конституцией Советского Союза. В 1960–1970-е гг. сама апелляция к нему казалась фантастикой. Но в конце 1980-х гг. это стало фактом реальной политики. В связи с этим России надо бы быть более гибкой, не привязывать свою политику к Косово или к Абхазии, сохранять возможность потенциального выбора и сохранения свободы рук. Иначе мы сами свяжем себе руки, станем *Косово-зависимой державой*.

Искренне, Сергей М.

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Aliens and violence

Тогда давайте попробуем разобраться, в чем же суть и особенности косовской ситуации (независимо от того, оказывает она влияние на других или нет). Прежде всего, это последствие внутреннего кризиса государства, ныне уже прекратившего свое существование, – этно-территориальной Социалистической Федеративной Республики Югославии, который обострился в конце 1980-х гг., и ее наследницы – Союзной Республики Югославии, распавшейся в 2006 г. Кроме того, это кризис и собственно сербской государственности, который сложился после двух мировых войн и резко обострился с приходом к власти Слободана Милошевича в конце 1980-х гг. К сожалению, он и сегодня далек от разрешения.

Статус Косово – это и проблема целостности полиэтничного государства, каковым является Сербия. Перед Белградом стоит нелегкий вопрос, с которым рано или поздно сталкивается каждое полиэтничное и многонациональное государство: как сохранить свою целостность – методами централизации, унификации и силового подавления или же предоставлением максимальной, в том числе и национальной, свободы?

В известном смысле *наоборот* та же проблема стоит и перед национальной движением косовских албанцев: как осуществить свое самоопределение и добиться создания национальной государственности вплоть до обретения государственной независимости в полном объеме и национального суверенитета – путем ли сохранения «своей» территории и государственности в составе полиэтничного государства (автономия, федерация, конфедерация и т.д.) или же обязательным отделением, используя и методы вооруженной борьбы?

Албанцы, проживающие вне территории независимой суверенной Албании, составляют национальное меньшинство в Сербии (на территории Косово они являются абсолютным большинством), Македонии, Черногории и Греции. У них, так же как и у других народов

Балканского региона, идет процесс национального самоопределения. Поэтому кризис объективно имеет и региональное измерение.

Парадокс развития ситуации в Косово состоит в том, что межэтнический конфликт порожден сугубо внутренними причинами, прежде всего историческим процессом национального самоопределения. Однако в его разрешении (в какой форме – иной вопрос) решающую роль играет внешний фактор, который – путем проведения новых границ – ведет к созданию новой внутренней конфликтности в будущем. В этом отношении *механика* урегулирования межэтнических и межгосударственных отношений не претерпела изменений с Берлинского конгресса 1878 г.

Кроме того, нельзя не упомянуть и две неизменные черты балканского политического сознания. Во-первых, политика рассматривается преимущественно сквозь призму этнического самосознания – как взаимоотношения между этническими общностями, которые являются единственным субъектом права. Во-вторых, каждое национальное движение (и созданное или создаваемое им государство) стремится добиться полного совпадения границ своего этноса (часто безосновательно сильно преувеличенных) с границами *своего* государства, что рассматривается как обретение *справедливости* с исторической, социальной и национальной (а зачастую – и конфессиональной) точки зрения.

Обе стороны воспринимают Косово как исключительно *свою* этническую территорию без *чуждого* – иноэтничного – населения. В нынешнем дискурсе национальной идеологии и психологии для одной – сербской – стороны отделение Косово стало бы национальной трагедией, а для другой – албанской – такой же трагедией неотделение. Ни одна из сторон не воспринимает Косово как **полиэтничную** территорию и государственное образование.

В этих обстоятельствах дополнительным негативным фактором является этническое насилие, использованное обеими сторонами, и воспоминание о нем. Воспоминание о насилии и преступлениях (как индивидуальных, так и массовых, зачастую не расследованных и не наказанных) является элементом национального самосознания и исторической памяти и, следовательно, – фактором политики. У обеих сторон – как национальных движений – в силу специфики их исторического развития отсутствует консенсусная и демократическая культуры. Поэтому до сих пор демократические по форме процедуры (выборы, референдумы и т.д.), равно как и политические переговоры, остаются для обеих сторон лишь формой продолжения конфликта, а не поиском компромисса.

В значительной мере это является последствием как государственного террора со стороны сербского государства по отношению к албанскому национальному движению, так и антигосударственного террора со стороны албанского национального движения в Косово и его протогосударственных структур.

Сергей Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Brothers in arms

Сергей,

В последнем Вашем письме Вы рассматриваете сразу несколько сюжетов. Это и восприятие Косово извне (в политологическом и политическом сообществе), и поиск общего и особенного в рассмотрении *косовского вопроса*, и проблема этнического насилия в конфликтах на Балканах (точнее сказать, его абсолютизация всеми участниками югославской трагедии). По поводу общего и особенного не хотелось бы повторяться, об этом мы с Вами подробно поговорили. Добавлю лишь, что гипертрофированное восприятие экс-сербской автономии как некоего паттерна обусловлено еще и банальным европоцентризмом. В конце 2007 г., например, индейцы племени лакота из пяти американских штатов заявили о необходимости отделения от США, однако практически ни какого резонанса (даже на веб-сайтах завязтых антиамериканистов) эта новость не получила.

Думаю, что сецессия Квебека также не вызвала бы столь бурной реакции, как все хитросплетения вокруг Косово. Отсюда и многочисленные фактические ошибки. Косово представляется (даже в экспертных выступлениях) как первый после Хельсинки 1975 случай нарушения принципа нерушимости границ (как будто не было Эритреи, Бангладеша, Восточного Тимора). Что ж, придется признать лишь тот факт, что Европа по-прежнему формирует главную повестку дня. И тут я согласен с Вами – мало что изменилось со времен Берлинского конгресса.

Мне хотелось бы сосредоточиться на проблеме этнического насилия, которой Вы уже лили столь много внимания. Хочу согласиться с Вами, что внутренние проблемы (внутриполитическая динамика вообще) намного более важны для последнего балканского кризиса, нежели геополитические игры вокруг *пороховой бочки Европы*. Не было бы внутренних предпосылок, смешно было бы говорить о *деструктивной роли внешних сил*. Однако нельзя не заметить, что бездарное прожектерство *великих держав* вокруг Балкан, как в прошлом, так и в настоящем (не дай Бог, чтоб и в будущем!), поощряло это этническое насилие.

Увы, и тогда, и сейчас конъюнктура, сиюминутные интересы *великих мира сего*, инструментально использующих те или иные этнополитические движения, укрепляют практику и теорию *этнической чистоты*. И здесь мы с Вами подходим к важнейшей проблеме, обозначенной Антуаном де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Германия и Австрия должны нести ответственность за *хорватских демократов*, США за *косовских борцов за свободу*, а Россия за *православных братушек-сербов*. Неадекватность представлений великих держав о том, что такое Балканы, неумение просчитывать (что, было непонятно, к чему приведет ускоренное признание Хорватии в 1991 г. или Косово в 2008 г.?) существенным образом укореняют этническое насилие. Поддержка *сильными мира сего* того или иного движения создавала (создает и будет создавать) неверные интерпретации и завышенные ожидания на самих Балканах. Если США, ЕС, Россия за нас, значит, нам все можно, все наши грехи (в виде этнических чисток) спишутся.

СМ

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: One size fits all?

Уважаемый Сергей,

Давайте вернемся к вопросу о переносе косовского опыта, ведь это имеет непосредственное отношение к России, и именно поэтому мы должны сначала для себя решить, насколько и по каким параметрам постсоветское пространство сопоставимо с пост югославским, а регион Юго-Восточной Европы с Восточной Европой.

Присутствующие в нашей массовой печати и публицистике сравнения (вернее – отождествления) постъюгославских и постсоветских проблем далеко не всегда бесспорны и корректны. Это же, впрочем, относится и к часто проводимым параллелям между Косово и другими подобными регионами.

С чем только не сравнивают Косово! Вот простой перечень: с Боснией и Герцеговиной (хотя оба региона принадлежат постъюгославскому пространству, равно как и Македония, я поостерегся бы проводить между ними прямые параллели без существенных оговорок), с Южной Осетией, Абхазией и Приднестровьем (на мой взгляд, и эти три конфликта имеют довольно значительные отличия друг от друга), с Кипром, с Басконией, Шотландией, Бельгией, Корсикой и т.д. А теперь еще делегация Сербии на встрече с делегацией Косово в присутствии известной *тройки* предложила использовать опыт Гонконга.

На мой взгляд, с чисто правовой, в данном случае – абстрактной – точки зрения, если мы говорим об автономии и самоопределении вообще, – эти *случаи* сравнивать можно. Равно как можно видеть в каждом из них пример для других. Однако анализ исторических, этнологических, да и политических реалий решительно против этого восстает. Я думаю, мы еще поговорим о причинах, по которым кажется весьма сомнительным распространение опыта Косово на вышеупомянутые территории проблемы. Скажу только, что каждый из этих конфликтов имеет свои причины, свою форму, логику и темпы развития, свои внешнеполитические условия. Поэтому разрешение каждой из этих исторически обусловленных конфликтных ситуаций тоже будет иметь свой неповторимый облик. Даже если все страны дружно проголосуют в ООН за то, что их надо *одним аришином мерить*.

На мой взгляд, такова логика истории. Формально-юридическое признание прецедентности одного из этих случаев не поможет разрешению конфликтов, не позволит разнообразие историко-этнополитические условия *подогнать* под одну упрощенную универсальную схему.

С. Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: It's the end

В связи с этим становится ясно, что как бы ни определилась судьба Косово, финальное решение не станет *концом истории* косовского кризиса. Этот кризис просто перейдет в иную фазу. Впервые, он не получит консенсуса ни между ведущими мировыми акторами (США, КНР, ЕС, РФ), ни между соседями бывшего автономного края. Скорее на оборот, при любом *окончательном решении* мы увидим множественность интерпретаций и фактически непредсказуемые последствия. Кто просчитывал сценарии реакций на это самоопределение среди албанцев Македонии и Черногории, сербов в Республике Сербской в Боснии и Герцеговине, в республиках СНГ-2, среди европейских этно-сепаратистов?

Косово можно рассматривать как некий тест для мирового сообщества. Заявлять а priori без всякой доказательной базы на основе одной лишь политической целесообразности, что Косово имеет право на признание, а Нагорный Карабах или Абхазия не имеют, – значит породить *вкусовщину* в глобальном масштабе. Было бы целесообразно (в связи с Косово и не только) представителям *элитного клуба* начать выработку критериев признания до сих пор не признанных государственных образований.

Первым критерием признания непризнанных образований могла бы стать их государственная состоятельность. Вторым критерием могла бы стать способность метрополии контролировать *мятежную территорию* любыми другими путями, кроме таких, как депортация или этническая чистка.

Другими словами, реинтеграция должна признаваться невозможной, если она влечет за собой военный конфликт. Третьим критерием могло бы стать наличие демократических процедур в непризнанных образованиях. Скорее всего, и Косово, и республики *параллельного СНГ* еще далеки от многих перечисленных выше критериев, хотя по не которым параметрам можно говорить о позитивной динамике. В любом случае, адекватное и безопасное (по своим последствиям) решение по Косово должно опираться на некие общие *правила игры*. Разделяемые если не всеми, то большинством государств. Иначе *косовизация* станет одним из ведущих международных политических трендов.

С. Маркедонов

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Two-edged sword

В чем я с Вами полностью согласен, Сергей, так это в том, что, учитывая печальный опыт конца XIX–XX вв., дезинтеграция должна признаваться невозможной, если она влечет военный конфликт. Трагический парадокс проблемы Косово состоит в том, что и сохранение Косово в составе Сербии, и самопровозглашение независимости являются актом этнического насилия; в том, что не только насильственное выделение, но и насильственное сохранение народа, населяющего определенную территорию и составляющего на ней большинство, в границах многонационального государства также ведет к самовоспроизводящемуся в последующих поколениях военному конфликту, к террористическим атакам, в которых страдает мирное население. Не получается ли так, что национальное угнетение возможно, оправдано, легализовано, если оно санкционировано *международным сообществом*? Может ли государство, угнетающее часть своего населения, считаться демократическим? Требовать демократичности от **стремящихся** к независимости территорий мы считаем нормальным. А как же требования демократичности по отношению к властям **существующих** государств, из которых они хотят выделиться? Почему мы не требовали демократичности от Слободана Милошевича, но требуем ее от Хашима Тачи?

Я совершенно согласен с тем, что необходима выработка неких общих правил мирного изменения границ, которые, несомненно, будут происходить. Однако когда начинаешь определять эти правила, сразу же возникают вопросы, которые касаются отнюдь не только Косово. Первый: что такое *государственная состоятельность*? Второй: кто будет определять степень ее зрелости? Разве сейчас мы не слышим утверждения некоторых отечественных *политологов*, что-де ни Украина, ни Грузия не состоялись как государства, что фактически равнозначно призывам к их разделу (и военному конфликту!). Это – как раз и есть пример той самой *вкусовщины* (назовем это так), о которой Вы пишете ранее.

«Наличие демократических процедур»...Я целиком *за*, но как совместить, например, нынешнюю общеевропейскую концепцию демократических ценностей с отечественной *суверенной демократией*?

С. Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Follow the guidelines

Сергей,

Обо всем по порядку. Сначала о состоятельности государства, его зрелости, критериях их определения и той роли *политологов*, о которых Вы упоминаете. Ведь не *политологи* же будут принимать решения о признании того или иного государства! Это должно делать *мировое сообщество* (о механизмах и формах такого сообщества можно спорить, это – отдельная тема). Влиять на принятие решений *политологи* могут.

Для определения состоятельности государства можно предложить конкретные критерии (контроль над территорией, например, институционализация власти, переход высшей власти от одного лидера к другому без путчей и революций). И в этом плане Грузия и Украина представляют диаметрально противоположные примеры. Официальный Киев осуществляет свою юрисдикцию и над Донбассом, и над Крымом. В Киеве несколько лидеров государства сменилось на основе демократической процедуры.

Грузия – другое дело. Ни разу в этой стране высшая власть не переходила из рук в руки посредством выборов. И потом, признание того, что государство не состоялось, далеко не всегда означает призывов к его разделу или аннексии. Достаточно иногда просто ответственной и квалифицированной помощи. Проблема лишь в том, чтобы именно ответственность была краеугольным камнем миротворческой политики.

Что же касается демократии, то требовать ее надо, бесспорно, от всех сторон (и отделяющихся, и претендующих на территориальную целостность). Вместе с тем, следует понимать, что эта демократия не будет напоминать современную европейскую или американскую систему. В данном случае важен вектор, тренд. *Ускорение* здесь тоже не годится. А потому, наверное, было бы более корректно на первом этапе требовать от властей конфликтующих сторон хотя бы предсказуемости и законности.

Ваш, СМ

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Let's be honest

Сергей,

Вы в чем-то правы, но эти рассуждения, к сожалению, больше относятся к сфере теории. На самом деле надо смотреть правде в глаза: нынешний акт драмы Косово завершен. Формально итог был подведен на Совете Безопасности, где все стороны остались на своих позициях со всеми их слабостями. По сути, любое решение – и самопровозглашенная независимость, и сохранение Косово в составе Сербии – это этническое насилие, которое может привести к обострению обстановки. Причем не обязательно этому официально

будут способствовать власти Белграда и Приштины. Мне довелось про читать интервью с одним из белградских политологов, который считает, что надо опасаться не Сербской радикальной партии Николича – Шешеля, которая так или иначе действует в рамках закона.

Наибольшую опасность, по его мнению, представляет улица, толпа. Разного рода полулегальные экстремистские военизированные организации, которые существуют как с сербской, так и с албанской стороны. Там решимость отстаивать *свое Косово* переходит все рациональные границы, и именно их деятельность может послужить поводом для кровопролитных событий. Их размеры и последствия будут зависеть от решительности действий как официальных властей, так и международного воинского контингента.

Воля как сербских, так и косовско-албанских политиков – соответственно сохранить целостность Сербии или же добиться независимости Косово – во многом зависит не только от их личных взглядов и личных качеств. На данный момент общественное мнение не позволит ни тем, ни другим отказаться от занятых позиций. За это они могут очень дорого заплатить.

Что сможет противопоставить Сербия стремлению албанцев Косово к отделению? Во первых, сейчас ведутся дебаты относительно того, предоставляет ли резолюция СБ ООН 1244 возможность обретения Косово независимости с точки зрения международного права. Единства на этот счет нет ни у международных, ни у сербских экспертов и политиков.

Во-вторых, уже довольно продолжительный срок сербские политики разных направлений и рангов выступали с разными вариантами реакции Сербии на возможное самопровозглашение независимости. Эти варианты охватывают весь спектр мер – от решительных до вполне умеренных. Первые включали в себя даже некие военные действия, экономическую и энергетическую блокаду Косово и разрыв отношений с теми странами, которые признают независимость Косово.

Однако опасность для самой Сербии и нереалистичность подобных шагов стали совершенно очевидны. Страна оказалась бы в изоляции, утратив политические контакты, не обходимые для отстаивания ее интересов, которые отнюдь не ограничиваются Косово. Страна оказалась бы вовлеченной в новый вооруженный конфликт, победить в котором у нее нет никаких шансов, причем конфликт вызвал бы раскол в сербском обществе, значительная часть которого воевать не желает. Страна показала бы себя как ненадежный экономический партнер, исключив себя из международной торговли и обмена. Белград, видимо, будет пытаться добиться возобновления каких-то контактов с Приштиной, хотя очевидно, что после самопровозглашения независимости и признания ее США и большинством стран ЕС шансов на это будет крайне мало, если не будет со всем.

*Ваш,
С. Романенко*

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Responsibility and new barbarians

Как мне кажется, Сергей, Вы подняли очень важный вопрос об ответственности. И, увы, понятие ответственности не стало ни для Балкан, ни для Кавказа ключевым. Только *великие державы* вместо солидарного сдерживания *нового варварства* используют это

варварство в побивании друг друга. А значит, и для этнического насилия есть, увы, перспективы.

Сегодня на Западе существует иллюзия, что *европеизация Сербии* как приз за утрату Косово приведет Белград на *столбовую дорожку цивилизации*. Однако абсолютное игнорирование сербских интересов сегодня приведет почти неизбежно к росту этнического национализма, оправданию этнического насилия как единственно возможного пути разрешения проблем. Конечно, такой вариант будет убийственным для Сербии. Такой вариант стал бы сложным вызовом и для США и ЕС. Но ведь просчитывать такие сценарии нужно!

Вместо этого нас убаюкивают словами о том, что открытие Брюсселя для сербских бюрократов решит все вопросы. Повторимся, сегодня у Сербии нет реальных ресурсов для инкорпорирования бывшего автономного края. И самое главное, у ее элиты нет реального представления о том, как жить вместе с албанцами в одной стране, строить полиэтничное сообщество. Но ведь и у косоваров нет стремления к компромиссам, есть одно лишь желание *гнуть свою линию до конца*. При этом одна неконструктивная позиция осуждается, а другая столь же неконструктивная поддерживается. Не здесь ли и основа для усиления представлений об этническом насилии как об эффективном средстве? Если у нас есть позиция, с ней не считаются на переговорах, от нас отмахиваются, как от назойливых мух. Так, может быть, при использовании силы с нами будут считаться? Думаю, что такой вопрос задают себе очень многие в Белграде.

В этом плане Косово ставит очень важный вопрос для миротворческих стратегий во обще. На мой субъективный взгляд, ни один переговорный процесс не может быть успешным, если стороны не ведут *торг, обмен нажитым непосильным трудом*. В косовской ситуации торга не видно. Как не видно его в случае с Абхазией или Южной Осетией. Все заранее предопределено, статус фактически становится главным во просом переговоров, и к нему *подводят* (не всегда, заметим, аккуратно) конфликтующие стороны.

СМ

From: Sergey Romanenko
To: Sergey Markedonov
Subject: Lesson for Russia

Все это так, но согласитесь, что в ближайшее время шаг, о котором думают все, – по лучение от официального Белграда согласия на независимость Косово – вряд ли возможен. Даже если предположить, что его поддержит хотя бы некоторое большинство граждан Сербии, многие его не воспримут, что самое важное – в силовых структурах, где еще немало сторонников Слободана Милошевича и Воислава Шешеля. Поэтому любая власть в Белграде по-прежнему будет вынуждена балансировать между двумя реальностями: политико-психологическим настроением значительной части своих граждан и сложившейся, не в последнюю очередь в результате действий Слободана Милошевича, внешней обстановкой и настоятельными объективными интересами страны, подталкивающими ее в *Европу*. Хотя на этом пути Косово не единственное препятствие – упомянем лишь известную проблему сотрудничества с трибуналом в Гааге, требующим выдачи прежде всего Радавана Караджича и Радко Младича.

Не поможет этому даже возможное *вето* России в СБ ООН. Ни вернуть Косово под юрисдикцию Сербии, ни изменить этнический состав населения края оно не сможет. Оно лишь осложнит отношения России с США и странами ЕС, причем отнюдь не только по

вопросу о Косово. Фактически оно может стать еще одним камнем, брошенным в здание ООН, поскольку усилит тенденции к поискам решений вне этой организации.

Но сама косовская драма еще далека от завершения. Важно – и это должно быть общей целью – чтобы она не превратилась в трагедию. Поэтому представляется, что *великим державам*, наконец, стоит сломать традицию, сложившуюся еще в конце XIX в., – использование противоречий между ними балканскими политиками, причем, как правило, наиболее максималистских настроений. Обольщаться их поддержкой не стоит. А совместная позиция поддержки умеренных прагматиков, ищущих компромисс, как раз и может способствовать формированию системы долгосрочной безопасности, в чем заинтересованы все – *от мала до велика*.

Границы государств еще будут меняться. Поэтому главная стратегическая задача международного сообщества на данном этапе – пусть это прозвучит несколько романтично – добиваться в каждом конкретном случае того, чтобы это происходило мирным путем.

И еще один аспект *прецедентности* Косово. На мой взгляд, в первую очередь учет опыта Косово важен для России и должен состоять в том, чтобы последняя учла печальный опыт Сербии Слободана Милошевича – государства многонационального и неповторила ее ошибок. Кроме того, *косовский вопрос* не должен ни в коем случае становиться предметом и орудием риторики политических спекуляций в России, когда под видом внешнеполитической информации распространяется идеология и психология межнациональной вражды, которая – независимо от субъективного желания ее инициаторов и носителей – представляет собой реальную угрозу существованию России как государства.

Сергей Романенко

From: Sergey Markedonov
To: Sergey Romanenko
Subject: Both are worse

Вы, Сергей, пишете про *печальный опыт* Слободана Милошевича в бывшей Югославии. Не хочу быть адвокатом «Слобо», у него их хватает и в нашем Отечестве, и в Сербии. Но было бы, по крайней мере, необъективно сваливать на него всю ответственность на то, что случилось в начале 1990-х гг. на Балканском полуострове.

В не меньшей степени в югославской трагедии виновны Франьо Туджман, Алия Изетбегович, Агим Чеку или нынешний триумфатор парламентских выборов в Косово Хашим Тачи. В балканской трагедии обвинять надо не личности, а этнический национализм, этнократию и интеллектуальный расизм как политические принципы. Югославию разгромили не столько личности, сколько принципы, *принципы крови*.

Изучая уроки Балкан, в России нужно критиковать не *ксенофобию русских* или *ксенофобию мигрантских общин*, а ксенофобию и расизм как принципы. Пора перестать выбирать между сербским или албанским этническим национализмом, ксенофобией русского большинства или этнических меньшинств. Как говорил один видный теоретик по национальному вопросу, «оба хуже».

С. Маркедонов